

Валентина Люкшинова

**ЗАПИСКИ
СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ
ПЕРИОДА ЗАСТОЯ**

Повесть

НОВОМОСКОВСК

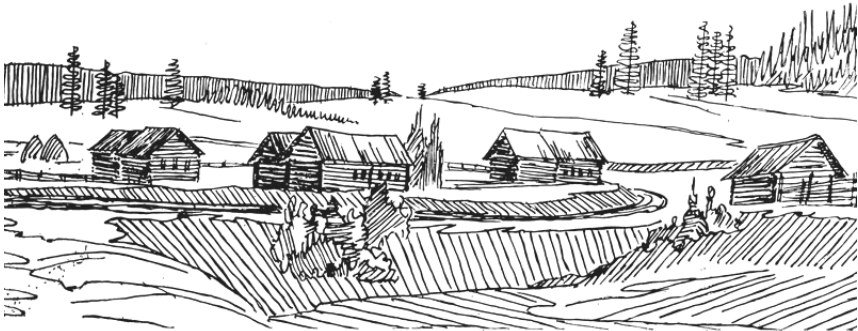
2014

УДК 82-312.3 Люкшинова В.
ББК 84(2Рос)

Люкшинова, Валентина
Записки сельской учительницы периода застоя : повесть /
Валентина Люкшинова. -Новомосковск.: б.и.,2014. - с.62

*Автор выражает благодарность
члену Союза писателей России А.В.Топчию
за помощь в работе над этой книгой.*

В авторской редакции.
Фотография на обложке – Олег Шуров.
Компьютерная вёрстка, корректура, оформление –
Александр Топчий.

**Светлой памяти преподавателя ТГПУ им.Л.Н.Толстого
Макаровой Татьяны Михайловны, Учителя от Бога,
посвящаю**

*«Клянусь говорить правду,
только правду и ничего, кроме правды.»
Клятва на Библии в английском судопроизводстве*

Август 1971 года

*Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
М.Цветаева.*

Нет, ничего имперского в том августе не было. Была школьная линейка на улице, стройный ряд будущих коллег – сельской интеллигенции, в ряды которой мне предстояло влиться, и нестройные ряды учеников. Их было 258. Мысленно поделив на десять, получила наполняемость классов. Примерно 20 человек в среднем. Нормально.

Мои будущие ученики – типичные крестьянские дети: небогато, но чистенько одетые. Они с любопытством смотрят на меня, как будто хотят просветить насквозь, понять, что за птица перед ними. Новое лицо в деревне – целое событие, повод для долгих пересудов.

Там, где стоит восьмой класс, в первом ряду выделяются два пацана, весьма крепких. Они довольно беззастенчиво изучают моё тело, елозя по нему глазами, по ходу делаясь впечатлениями и обмениваясь понимающими ухмылками. Пытаюсь понять, что могло их так взволновать во мне: тощенькая, молоденькая учительница, с двумя хвостиками на голове, перевязанными узкими ленточками, плоская грудь, ноги как ноги... нет, пожалуй, ноги ничего. На мне чёрный

строгий костюм, не позволяющий делать заключение о моих достоинствах и недостатках.

И я смело смотрю на «исследователей», они выдерживают мой взгляд, всё так же обещающе улыбаясь. Я понимаю, что в этом классе у меня будут проблемы. Ребятишки явно видят во мне бессловесную жертву их «охотничьих» взглядов. Но это мы ещё посмотрим. Я не собираюсь быть ничьим подопытным кроликом.

«Октябрь уж наступил»

Деревня, где скучал пушкинский герой, наверное, была примерно такая же, в какой спустя 150 лет оказалась я. Повезло Евгению, ему не надо было работать, за него это делали другие... А моя «пахота» в среднерусской деревне, раскинувшейся привольно по берегам узкой речушки Плавы, началась.

Типичная русская деревня с грунтовой дорогой посередине, которую летом и осенью покрывает толстый слой жирной грязи. Мои коричневые туфли ленинградской фабрики быстро сереют на этой дороге. Пешеходные дорожки протоптаны около домов, растительность вокруг довольно однообразная – кусты сирени, акации, вётлы вдоль речки. Неназойливый пейзаж, – правда, любоваться мне им особенно некогда.

Двухэтажная школа стоит на пригорке, окружённая старым яблоневым садом. Туалет на улице, причём один на всех – «М» и «Ж». Когда однажды в своё «окно» я принуждена воспользоваться им, туда вбегает запыхавшаяся первоклассница. Она замирает, а я чуть не падаю, но, собрав в кулак всё своё мужество, говорю девчужке: «Проходи, тут свободно». Первоклашка послушно пристраивается рядом.

Надо планировать работу. Выясняю, что детей никуда

не возили, многие не были даже в областном центре. Я решаю, что мы не будем мелочиться, а рванём прямо в столицу нашей Родины город-герой Москву. Проклятый максимализм: нет бы посетить соседнюю деревню...

Дети принимают мои разговоры о поездке недоверчиво: ладно врать-то. Но я полна решимости и еду в столицу области, где бронирую 20 путёвок на осенние каникулы в Москву. Но оказалось, чтобы выкупить их, нужно согласие на оплату и доверенность на получение сначала от профсоюза колхоза и совхоза, потом районного и, наконец, областного. И я начинаю спускаться по лестнице, ведущей наверх.

В Ласточкино приезжаю уже к вечеру. Тётя Нюра, моя квартирная хозяйка, говорит, что надо идти в правление колхоза. И я иду. Правление, несколько мужиков и баб во главе с председателем, решает какие-то вопросы, когда я нарисовываюсь на пороге. Услышав о путёвках, председатель машет руками: денег нет! Остальные смотрят с молчаливым сочувствием. Я понимаю, что затея на грани провала, и все мои предыдущие мытарства – «артель напрасный труд». Не найдя никаких других аргументов, я плачу, как дура.

Меня выпроваживают в коридор и после некоторого обсуждения выдают доверенность на получение путёвок, – значит, деньги всё-таки нашлись! Я готова облобызать всех членов правления.

В совхозе всё проходит гладко. Доверенность у меня на руках, лечу дальше по инстанциям.

Москва, Москва

*Кончается октябрь, беспечный и туманный,
Один день – изморозь, тепло и дождь другой.
Безлистый лес уснул, гнилой и безуханный,
Бесцветный и пустой, скелетный и нагой.*

И.Северянин

Именно в такую погоду мы едем в Москву. Перед этим изучаем схему метро, и я рассказываю о правилах дорожного движения. Нас тащит из Ласточкина в Петровское утопающий в грязи трактор, везущий крытый домик на полозьях. В Петровском мы вылезаем из грязных резиновых сапог и переобуваемся, чтобы не испугать столичных жителей своим непотребным видом. Тут же детишки складывают свои денежки в конверты, которые подписывают и сдают мне. Они не понимают, что таким образом я лишаю их манёвра. Без денег в Москве они никуда от меня не денутся. Спасибо, мне хватило ума таким образом обезопасить себя: имея деньги и ничем не ограниченную фантазию, детишки создали бы мне массу проблем.

В Москве мы размещаемся в гостинице «Ярославской» на ВДНХ. И начинается наше знакомство со столицей. К нашей группе прикреплен групповод, студент, таким образом подрабатывающий в свободное от учёбы время. Я сразу предупреждаю его: «Саша, ты не удивляйся ничему и смотри в оба – дети из деревни, в Москве первый раз». Мы договариваемся, что он возглавляет группу, а я замыкаю, подгоняя зазевавшихся.

Сашка получает шок от первого нашего общения с метро. Пока я подгоняю детишек, у эскалатора собирается орущая толпа. Увидев бледного студента с глазами Ивана Грозного с известного полотна, я сразу понимаю, в чём дело. С трудом продравшись сквозь возмущённую толпу, вижу своих детей, которые, вцепившись в поручни, со священным ужасом смотрят на выползающий из-под их ног эскалатор. Кое-как оторвав их от поручней, придерживая, толкаю на ступени, а Сашке кричу: «Давай других сюда!»

В метро пресекаю попытки своих экскурсантов разбежаться по разным вагонам. Они смотрят на меня с испугом, от деревенской вольницы не осталось и следа. Они боятся

города, да и денег-то у них нет: всё оплачиваю я, а вечером мы подсчитываем расходы за день.

В кафе рядом с ЦУМом, где мы питаемся, детишки выстраиваются вперемешку с москвичами, и я понимаю, что обед наш может затянуться. Сделав злое лицо, начинаю выхватывать растерянных детей и выстраивать друг за другом. Они не сопротивляются: от толчеи и шума мои деревенские жители совсем обалдели. Мне даже их жалко чуть-чуть. Очередь с молчаливым осуждением взирает на меня. Изругав своих бестолковых, успокаиваюсь. Понимаю, что собирать остатки с пиршественных столов – некрасиво. Но то, что ребята не съедают, заворачиваю в салфетки – доедят потом. Ребята сельские: они знают цену деньгам и еде.

Сашка, отошедший от ужаса первого дня, сильно помогает мне. Он мотается с нами даже на неплановые экскурсии и в музеи. Я объясняю ему, что хочу выжать из пятидневного пребывания в Москве максимум. И вот мы «работаем» как сумасшедшие. Если плановая экскурсия до обеда, то неплановый музей после него. Останкино, Бородинская панорама, Третьяковка. В последнюю мы попадаем только благодаря моему нахальству. Увидев очередь в Лаврушинском переулке, тащусь в её начало, объясняю ситуацию милиционеру (может быть, тоже приехавшему в столицу из глухомани). Он пропускает меня к кассе, там дают билеты, но без экскурсовода. Не беда.

Мы в галерее. Вижу своих детишек с распахнутыми от удивления глазами. Молодцы, значит, на всю жизнь запомните, – а может, наша учительская задача и состоит в том, чтобы суметь заставить детей раскрыть глаза и удивиться. Благодарю Господа и собственную мать, которая ещё в моём далёком уже теперь детстве начала покупать художественные открытки и книги по искусству. Я стараюсь рассказать ребятам о том, что когда-то заинтересовало меня саму. Рас-

сказываю о пейзажах, напоминаю им о родных местах – речке, овраге Поморае, лесах и полях. Хочу напомнить им о том, в какой красоте они живут, часто не замечая её. Слушают внимательно. А я стараюсь сохранить в памяти их глаза – ведь это счастливые минуты нашей нелёгкой профессии.

В последний день пребывания в Москве после экскурсии по Бородинской панораме мы заходим в гастроном «Новоарбатский», я отдаю ребятам остатки их денег и даю 40 минут на покупки. Через 40 минут они около меня с торчащими из сеток хвостами селёдок, колбасой, апельсинами. Ребята из деревни, поэтому конфеты для них не главное. Они везут домой то, что редко бывает в их сельском магазине.

Возвращение

Мы приезжаем в областной центр вечером. Нас должен встречать совхозный автобус, но мы его нигде не обнаруживаем. Прождав около часа, едем на автовокзал, чтобы следующим утром уехать самостоятельно.

Ночь на автовокзале с детишками всех возрастов не самое весёлое мероприятие, тем более, когда рядом спят такие же бесприютные солдатики; некоторые мои девицы не прочь завести знакомство, хотя это вовсе не входит в мои планы. Поручаю Владику Тёмкину «пасти» особо притких девушек. В 6 утра тащусь к нашей институтской преподавательнице Т.М. Макаровой занять деньжонок: тех, что остались у меня, не хватает, а у детей уже никаких денег нет и вовсе.

Кашляя, звоню в дверь учителя. Раздаются шаги по коридору, и на пороге квартиры появляется Татьяна Михайловна в ночной рубашке, с косой на спине и в шали. Ну, точно Татьяна Ларина!

Увидев меня, она почему-то не удивляется:

– Так и думала, что это ты. Кто ещё может заявиться в

такую рань. Чего кашляешь?

– Простыла, – говорю я и прошу денег взаймы, объясняя, что меня ждут дети на вокзале.

Получив недостающую сумму, возвращаюсь к ребятам. Мы первые в очереди. Когда я беру 20 билетов, бабки с бидонами и кошёлками начинают возмущаться. Объясняю с тихой злостью: «Вон видите детишек? Они уже ночь тут просидели, пусть ещё попарятся, а родители дома с ума посходят, да?» Бабки замолкают, и мы погружаемся в рейсовый автобус со всем своим скарбом. Возвращаемся в Ласточкино, когда занятия в школе уже начались. Директор орёт на меня из-за того, что я сорвала уроки и переполошила всех родителей. Объясняю, что мне было не до посещения главпочтамта, чтобы пытаться дозвониться до Петровского ночью.

Потом выяснится, что водитель, поехавший за нами, попал к своей зазнобе, выпил и в таком виде, конечно, за руль сесть уже не мог. И преспокойно остался ночевать у своей бабы, а мы по его милости ночевали на автовокзале.

Ползу на квартиру к тёте Нюре, и мой верный Савельич в юбке учит меня, как нужно жить и работать – то есть стараться делать как можно меньше и «не вылезать». Я слушаю тётю Нюру и понимаю, что устала, как собака. Даже как две собаки. С этой мыслью и засыпаю.

«Выхожу один я на дорогу»

Лицо своё скрывает день;

Поля покрыла влажна ночь;

Взошла на горы чёрна тень;

Лучи от нас склонились прочь.

М.Ломоносов

Осенью по грязи не очень-то разъездишься туда-сюда. Но ездить всё-таки приходилось. Одно из возвращений в деревню я запомнила на всю оставшуюся жизнь.

Из райцентра автобус не пошёл. И я еду на почтовой машине вместе с посылками и письмами. Меня выгружают в Петровском; сумка моя набита книгами. До Ласточкина километра три. Я довольно бодро шагаю по светящемуся окнами Петровскому. А за его околицей меня ждёт просёлочная дорога посреди поля. На небе – ни звёздочки. Моросит мелкий противный дождик. И я постепенно погружаюсь в кромешную тьму. Дорогой читатель, кромешная тьма – это такая тьма, которая начинается сразу там, где заканчивается ваше тело. Вы вытягиваете руку – и не видите её. Вокруг чёрная глухая вата.

Иду по колее машинально, вокруг липкая хлюпающая грязь, сумку волочу по возвышенности между колеями. Иногда сажусь прямо в грязь на эту возвышенность, чтобы отдохнуть, и с завистью думаю о тысячах лампочек, украшающих фасады столичных зданий. Господи, ну хоть бы один фонарь на этой дороге!.. Сверху по-прежнему льёт мелкий нудный дождик, внизу хлюпает липкая противная грязь; всё вместе – осень в русской деревне. А впереди у меня овраг Поморай, через который предстоит переправиться. Спасибо колее: она не позволяет мне отклониться от курса. Вскоре слышится глухой шум грязного потока Поморая. Мне предстоит сплотировать на шаткий бревенчатый мост. Совсем некстати услужливая память подсказывает, что я не умею плавать.

Вспоминаю строчку из песенки: «Меня засосала опасная трясина», – и мне становится не по себе.

Я думаю, как бы не промахнуться мимо мостика. И вдруг вспоминаю солдат Суворова, известным способом переправлявшихся через Альпы на картине Сурикова. А говорят, от искусства нет практической пользы! Если уж далёкие предки на заднице преодолели горный перевал, то я на ней уж как-нибудь справлюсь с каким-то Помораем.

Отдаю себя на волю судьбы и тихо качусь на пятой

точке к мосту, тормозом мне служит сумка с книгами. Когда ноги упираются в скользкие брёвна моста, поднимаюсь и, как сапёр на минном поле, осторожно прощупываю ногами каждый дециметр моста. Наконец ступаю на твёрдую почву.

Впереди светятся окна Ласточкина, и я благодарю Бога за дарованную надежду. Мутный жёлтый свет из низких окошек освещает хотя бы пяточок под ними. Я иду уже почти уверенно, стараясь держаться ближе к домам. Из-за одного из них вдруг выскакивает здоровенная собака.

Она подбегает ко мне, ставит передние лапы на мои плечи и, прижав к стене дома, молча дышит мне в лицо. Уворачиваясь от несвежего дыхания кобеля, тихо передвигаюсь по стене, псина движется вместе со мной, переступая с лапы на лапу. Добравшись до низенького оконца, стараясь не делать резких движений, стучу кулаком в стекло. Через несколько минут входная дверь открывается, и на освещённом пороге появляется мужик в галошах на босу ногу.

Голосом суфлёра из театральной будки произношу:

– Заберите собачку, пожалуйста!

Хозяин зовёт пса, и тот с готовностью бежит к нему. А я, отлипнув от стены, волоку сумку на проезжую часть дороги. Ох, великий и могучий, как же ты прав: всегда лучше, если не только жизнь, но и сам ты идёшь по наезженной колее!..

Если бы Николай Васильевич...

Преодолев ещё один небольшой овражек, наконец добираюсь до дома, где живу на квартире у тёти Нюры.

Дорогой читатель, если бы Николай Васильевич Гоголь имел честь находиться в избе тёти Нюры, он сильно расстроился бы. Моё появление вызвало эффект, несравнимый с немой сценой из финала «Ревизора». Участники моего «спектакля» не просто онемели, они обалдели. Два ученика, све-

сившиеся с русской печи, не упали только потому, что вовремя уцепились за печную трубу, тётя Нюра изобразила на лице ужас, который испытывали те, кто встретился с Медузой Горгоной, колхозный бухгалтер Татьяна – тоже квартирантка – чуть не села мимо табурета.

Первой приходит в себя Татьяна, она с опаской приближается ко мне, боясь прикоснуться: я вся в грязи с ног до головы, боевому раскрасу на моём лице позавидовал бы самый бывалый десантник. Тётя Нюра, охая и причитая, достаёт старое жестяное корыто, наливает в него горячей воды из чугуна, и мои вещи, распуская грязные потёки, опускаются в корыто: бывшая ещё недавно розовой пуховая шапка, перчатки, юбка, кофта, шерстяные рейтузы.

Я умываюсь с ощущением отпущенного на волю Сизифа: дошла, я дошла, не замёрзла в дорожной колее, не утонула в Поморае, вырвалась из лап четвероногого страшилища. С ощущением победы доползаю до постели. Теперь я хорошо знаю, что обозначено выражениями «тьма кромешная» и «спать как убитый».

Дорогой читатель, Вы, наверное, не забыли, что, не найдя своей шапки, толстовский Филиппок надел старую отцовскую, чтобы пойти в школу. Я же, каюсь, на следующий день не пошла на работу, потому что моя одежда и сапоги досыхали, распятые на боку русской печи.

О Родине

Лирическое отступление № 1

Ах, изба ты моя невысокая!

Посижу, погляжу из окна...

Н.Огарёв

Я сижу в старом халате у маленького оконца, плачущего мутными осенними слезами. И моё сердце исходит слезами – слезами любви. За окном – серое небо, серые голые

деревья, серая непролазная грязь. Господи, какая безысходность, какая тоска, какая нищета! Но почему же моё сердце задыхается от любви ко всему этому – жалкому и родному? Впрочем, любовь не знает слова «почему»...

В голове мешанина из русских классиков. Лермонтов: «Прощай, немытая Россия...»

Эк хватили, Михаил Юрьевич, – Россия мыться начала тогда, когда Европа об этом и не помышляла! Понимаю, раздражены были, минута злости, – а вот Родину припечатали навечно...

А дальше-то что?

А дальше и пошли и поехали «герои» того времени – «золотого века» русской литературы»: невротик-садист Печорин, могучая кучка «мёртвых душ», испугавшая своего создателя до смерти (в прямом смысле слова), обитатели города Глупова (читай – России), купцы-самодуры Островского, нещадная сатира Некрасова. И – апофеоз: Фёдор Михайлович. Большой хроник с такими же героями: что ни баба – inferнальная, то бишь ненормальная, что ни мужик – диагноз: идиоты (в прямом и переносном смысле), карамазовские братаны, и, наконец, бесы, – нет, не те полумистические пушкинские, а вполне реальные ребята, да такие мерзостно-привлекательные, что – хочешь не хочешь – застревают в мозгу. Прямо пособие для начинающих террористов.

Читаешь русских классиков XIX (да и не только) века, а в голове всё время вертится вопрос: «Ребята, за что же вы так ненавидели Россию?» И предвидишь ответ: «Да, ненавидели, – но любя, а любили – странную любовью».

Господи, прости, но никак не победит и мой рассудок этакой любви. Нет, по отдельности – всё понятно. А вместе – шизофрения какая-то.

Только Пушкин и Лев Толстой пощадили Родину, потому и люблю их больше остальных. Первого – за невероятную

гармонию во всём, второго – за «Войну и мир».

Странно как-то ощущать, что параллельно с Россией из русской литературы жила другая – та, что пахала и сеяла, воевала и обустроивала огромные просторы. Понимаю – писать об этом невыигрышно: «историйки» не выйдут.

И ещё эта наша противная поговорка: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива». Чуть что – и вот тебе ответ на все русские вопросы. А в другой поговорке говорится: «В кривом зеркале и рот набоку». Может, именно в таком зеркале и видели Россию наши литературные корифеи? И – пошли писать, обличать. Критический реализм! Все боялись революции, а на деле приближали её как могли. Вот и докритиковались до 1917-го. А вопросы-то остались: «кто виноват?» да «что делать?» На первый ответ давно нашёлся – дураки и дураки. А со вторым – сложнее.

Поэт в России и вправду больше, чем поэт. И вот случилось так, что историю отечества мы стали воспринимать через зеркало русской литературы (чуть не написала «русской революции»), – а она с Родиной не церемонилась.

Ну, Бог с ними, с классиками... А я сижу у окна, истекающего мутной осенней слезой, и моя душа плачет от любви к Родине. Люблю её беспутную осень и распутную весной, мёрзнущую зимой и задыхающуюся от жары летом. Люблю тебя и буду любить до последнего своего мгновенья, и даже – после. Родина моя!

Путь к коммунизму

Иду в правление колхоза за досками для сцены: зала в школе нет, и мы решаем сделать небольшой помост для выступлений. Председателя на месте не оказывается: он на ферме учит доярок работать. Тащусь по грязной дороге на молочную ферму, она на взгорке в стороне от жилья. Ферма с

косо висящими дверьми представляет собой невесёлое зрелище: коровёнки стоят в собственном навозе. Вижу председателя, он сидит на кособокой скамейке и доит корову в чумазый подойник. Вокруг, сложив руки под пышными и не очень грудями, – доярки, внимательно следящие за неумелыми движениями мужских рук, тягающих за коровьи сиськи.

Наш колхоз называется «Путь к коммунизму». Увидев очередную картину из его жизни, с печалью думаю, что коммунизм нас вряд ли дожждётся. И делается как-то обидно: задумка-то была хорошая.

Театральная жизнь

*Опять декабрь художником умелым,
Корявость не расцвечивая зря,
Рисует зиму сажею и мелом,
И вдруг снегирь, румяная заря.*

Н.Завалишин

«Театральная жизнь» – был такой журнал в 70-е. Но я не об этом. О нашей театральной жизни. Мы решаем показать младшим классам кукольную сказку «Колобок». И вот после уроков лепим из пластилина головы будущих героев, обклеиваем их бумагой, разорванной на мелкие кусочки; когда она высыхает – разрезаем бумажную маску, раскрашиваем, делаем рубашку – и кукла готова. Спектакль мы покажем перед Новым годом, а восьмиклассники готовят представление из отрывков комедий Фонвизина и Мольера. Приезжая домой на выходные, крою и строчу, выпотрошив материнские отрезки, – шью костюмы XVIII века.

Репетиции... и, наконец, представление. Дети не хотят вылезать из костюмов. Ребята почти все хорошие актёры, в чём убеждаешься часто и на уроках, но там их актёрство рождает часто соответствующую запись в дневнике. Когда же они на сцене – это всегда чудесно. Заметим, что актёрский талант

вовсе не зависит от успеваемости.

С ветерком

*Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.*

Н.Огарёв

Конец второй четверти. Впереди новогодние праздники. Иду домой после очередного педсовета – скуотища! Вдруг на дороге меня догоняют наши двоечники. Едут в розвальнях.

– Садитесь, Валентина Дмитриевна, мы в Троекурово, прокатим с ветерком!

Моё представление об учительской солидности побеждено желанием прокатиться, и я сажусь в розвальни. Джентльмены-двоечники прикрывают меня от ветра и летящих из-под копыт комьев снега. Лошадь, подстёгнутая кнутом, мчится по зимней дороге: звёзды на небе и искристый снег на земле и деревьях, запах мороза и конского пота. Ездоки прикрывают мои колени, начавшие мёрзнуть в капроне, какой-то ветошью. Пустячок, а приятно. На обратной дороге высаживают меня у избы тёти Нюры. Сказав «спасибо», думаю о том, что же они расскажут дома. Смешно! Тётя Нюра, услышав о моём приключении, смотрит на меня с укоризной: их деревенские учителя ни за что бы не поехали с учениками. Мне 22, и я сама за себя отвечаю, да и с трудом представляю, как мои уже не очень молодые коллеги взгромозились бы в розвальни. Опять смешно!

«Расёмон» на двоих

Ко мне приезжает мать, привозит книги, одежду, про-

дукты. Я долго не была дома. После ужина, поговорив с тётёй Нюрой о жизни, мать вопросительно смотрит на меня. Ей хочется остаться со мной наедине, поговорить по душам, но в избе, представляющей собой кухню и одну большую комнату, уединиться негде. И я предлагаю матери отправиться в клуб – туда привезли японский фильм «Расёмон».

Мы покупаем билеты и усаживаемся в первом ряду. Начинается фильм. Шедевр Куросавы по рассказам Рюноскэ. На экране Тосиро Мифуне рвёт страсти в клочья. Мы смотрим кино и громко обсуждаем увиденное. На нас никто не шикает – потому, что в зале, кроме нас, никого нет. Когда мы замолкаем, я смотрю краем глаза на такой знакомый родной профиль. Мать внимательно следит за тем, что происходит на экране. А я вдруг думаю: какое же это счастье, когда человек, подаривший тебе жизнь, не ограничился только этим, когда он становится твоим другом, собеседником, когда вы интересуетесь одним и тем же, когда он принимает тебя таким, каков ты есть, когда ты всегда можешь положиться на него и когда ты любишь его безумно и безмерно.

Смотрю на страдания разбойника Тадзёмару и ловлю себя на мысли, что навсегда запомню этот вечер в глухой русской деревне, холодный гулкий зал с «Расёмоном» на двоих.

Весеннее обострение

Весна. 8 класс. Творчество Лермонтова. Первые уроки. Захожу в класс: пыль столбом, весь пол усыпан пшеном, – видно, стреляли из трубочек весь предыдущий час. Лица красные от возбуждения и беготни. Какой тут Лермонтов!

Со стены кабинета на меня укоризненно глядят Песталоцци, Каменский и Макаренко: ну, что будешь делать, учительница? Минут 20 пытаюсь утихомирить учащихся, но потом сдаюсь. Сажусь и тупо смотрю на бесящихся учеников.

Они постепенно усаживаются на места. Господи, наконец-то! В оставшееся время рассказываю о жизни гениального русского мальчика.

Мой рассказ – как колыбельная для субъектов, у которых разгар переходного периода. Гормоны бушуют, отключая мозги. Нет, ребята, так не пойдёт! Перед тем, как прозвенит звонок, сообщаю, что урок продолжится, так как полурока мы повеселились. Остывшие от перевозбуждения и недовольные детишки уходят на перемену. Я остаюсь в кабинете, вовсе не уверенная, что они вернуться... Проходит перемена, и перекурившие ученички подтягиваются в класс. Девочки сидят, испуганно озираясь по сторонам: их меньшинство – 8 из двадцати восьми. Продолжаем. В глазах учеников читаю ничем не прикрытую ненависть: если бы могли, без сомнений прибили бы эту настырную пигалицу, то есть меня.

По классу проносится тихий шелест: «Жрать хочется». Согласна, я тоже не отказалась бы пообедать. Разрешаю собрать деньги и послать в магазин гонца. Тот приносит три батона, их делят на всех, мне тоже отламывают кусок.

Ещё час проходит незаметно. Бедный Лермонтов, даже Николай Соломонович Мартынов ненавидел его меньше, чем мои дети в этот весенний день...

Урок заканчивается, и мои детишки решительно начинают собираться домой. С улыбкой Иудушки Головлёва произношу: «А куда это мы собрались? Сейчас класс будем приводить в порядок».

«Ещё чего придумала!» – читаю на лицах учащихся. Но девочки начинают послушно мести пол в проходе между партами, относят собранный мусор и с чувством исполненного долга, сочувственно глядя на меня (спасибо за женскую солидарность!) выходят из класса, оставив меня с мужской его частью. Песталоцци, Каменский и Макаренко тоже глядят на меня сочувственно.

– Ну что , мужики, начнём генеральное сражение! – изо всех сил изображаю любящий, почти страстный (насколько позволяют остатки педагогической этики) взгляд. – Переворачиваем парты и вытаскиваем бумажки из батарей!

– Так мы их не сегодня туда запихали!

– Тем более, – они вас так долго ждали!

Демонстративно двумя пальцами ставят парты набок, будто говоря: да мы тебя вот так, двумя пальцами...

Понимаю, уважаю вашу силушку, вам к ней ещё бы умишка – цены бы не было.

Стою за стулом с высокой спинкой, как за щитом. Молча сопя и испепеляя меня негодующими взглядами, они начинают вытаскивать скомканную макулатуру, носят мусор, промывают пол под партами. Класс приобретает нормальный вид, пыль оседает. Песталоцци, Каменский и Макаренко одобрительно улыбаются.

Остаётся одна персональная кучка мусора. Её должны убрать Петька Тарасов и его верный адъютант Толик Иванов. Тарасова я недолюбиваю. Его мать сбежала с любовником, когда он был ещё маленьким. Мачеху он откровенно изводит, когда её вызывают в школу после его очередной подлянки, боится только отца. Я понимаю, что меня ожидает нелёгкий финал сражения. Сажусь за учительским столом, напротив за первой партой восседает Тарасов, рядом Иванов. Мы молчим: я от бессилия, Тарасов – от злобы.

Он сдаётся первым:

– А если я уберу?

– Пойдёшь домой, как все остальные.

– А если не уберу?

– А если не уберёшь, вызову твоего отца, и он на школьной линейке уберёт твою долю мусора.

Иванов после этого диалога молча принимается убирать мусор под недовольный бубнёж Тарасова.

– Убирай, Толь, и пойдёшь домой, – говорю я. Он уносит мусор, и я отпускаю его. Мы остаёмся с Тарасовым тет-а-тет. Он снова начинает канючить:

– А если не уберу?

Я не выдерживаю:

– А если не уберёшь – завалю тебя на экзамене.

– А если я всё выучу?

– Это маловероятно, да и потом – даже самый плохой учитель знает больше самого хорошего ученика.

– А если я скажу, что вы мне угрожали?

– Да кто ж тебе поверит, тебе – двоечнику, вруну, доставшему всю школу?!

Песталоцци, Каменский и Макаренко смотрят на меня неодобрительно. Ладно, коллеги, без вас разберёмся.

Тарасов, явно не ожидавший подобного, наклоняется, небрежно берёт бумажку и кидает в ведро. Он издевается надо мной. Потом поднимает ведро мусора и несёт во двор школы. Вернувшись, забирает портфель и, буркнув: «До свидания», отправляется домой. Я стою на втором этаже давно опустевшей школы и смотрю вслед Тарасову. Он идёт, нелепо припрыгивая, – видно, резиновый сапог пропускает воду.

Когда я являюсь домой и снимаю свитер, на чёрной комбинации тётя Нюра видит белое солёное пятно – цену педагогического эксперимента. Действительно приходится добывать хлеб свой насущный в поте лица своего, а также и других частей тела.

Экзамен

Первый экзамен по русскому языку, который я принимаю. Результат – 8 двоек. Директор орёт на меня: «Вы что себе позволяете, у нас никогда такого не было!» Глядя в его узкие чёрные глазки, невинно отвечаю:

– Ну надо же когда-нибудь и начинать.

– Что начинать?

– Ставить двойки за незнание и лень. И ещё я не хочу, чтобы мне говорили: «Да куда вы денетесь, всё равно тройку поставите». Не поставлю.

Директор угрожает мне увольнением. Вот испугал! Возвращением в родной дом и родной город! Наконец директор смиряется и машет рукой, а я назначаю переэкзаменовку. На неё является и Тарасов, видно, запомнивший моё обещание, но ему поставили «три» на первом экзамене, он ушёл, не дождавшись оценок.

На следующий год на моих уроках веселухи не наблюдается.

«Путь Шеннона»

Тётя Нюра уезжает на неделю к дочери, оставив на меня часть хозяйства. Доить корову соглашается соседка, остальная живность – моя забота. Овцы весь день на пастбище, поросёнок послушно хрюкает в закуте. Куры и гуси, поев, разбегаются кто куда до вечера. Но меня «достаю» утки. Съев утром свою долю мятой картошки, смешанной с хлебом, они, чинно переваливаясь, отправляются на речку. Не успеваю я передохнуть, как они с громким кряканьем появляются у порога: давай жрать! Я их душевно ненавижу за прожорливость и неопрятность.

Лежу на хозяйском диване, перечитываю «Путь Шеннона» Арчибальда Кронина. Рассказ об этом увлекательном пути прерывает рёв мотоцикла около дома. Выглядываю в окошко – и вижу Люську, конструктора из КБ областного машзавода, осенью она вместе с подругами по несчастью, работавшими на свёкле, жила у тёти Нюры. Видно, решила навестить меня по старой дружбе. Живя в деревне, радуешься

всякой возможности общения.

Вылетаю на улицу, обнимаемся и целуемся с Люськой. Её спутник насмешливо смотрит на нас. Это худощавый, рыжеволосый и сероглазый молодой мужчина. Он одет во всё импортное, и мотоцикл у него тоже иностранный. Наблюдая за нашими обжиманиями, он с наигранной завистью произносит:

– А меня?

«Вот нахал!» – думаю я.

Рыжий супермен оставляет нас на час, уезжая по своим делам. За это время мы с Люськой успеваем обсудить кучу вопросов. Люська сообщает в частности, что её спутник – моряк торгового флота, приехавший в отпуск в Петровское к матери, зовут его Алексеем Петушковым.

Радуга

*Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своём минутном торжестве!*

Ф.Тютчев

Иду из Петровского в Ласточкино. Гроза настигает меня на околице села. Прячусь в кустах акации. На её ветках свешиваются в лучах выглянувшего солнца капли. Солнце отражается в светло-голубых лужах на просёлке. И вдруг на небе расцветает радуга! Одним концом она упирается в лес, другой её конец прячется где-то за Помораем. Тихо... Ощущение, что ты один на Земле. Ты как будто растворился в этом солнце, в этих акациях, в этих тёплых лужах. Вспоминается гётевское: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно».

И такой же представляется жизнь – прожитая и предстоящая, – вечной и бесконечной. Миг счастья! Ибо нет как вечного счастья, так и вечного несчастья. Кстати, в русском

языке это слова однокоренные.

Чудно? Чудно!

Год второй

Осень

*Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валяются
Жёлтые листья.
Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.*

Н.Карамзин

Мне, Галине Петровне и биологичке Татьяне Кирилловне дают отдельный домик. Я называю его «ореховый», потому что он напоминает расколотый орех, продуваемый всеми ветрами.

Состоит наше жилище из довольно больших сеней, где мы складываем дрова, и небольшой комнатки с печью-голландкой; комнатка служит нам и спальней, и кабинетом, и столовой одновременно. Какое-никакое, а всё-таки собственное жильё, где мы сами себе хозяева.

Нам привозят машину берёзовых стволов, которые надо пилить и колоть. Представьте себе трёх городских барышень, с удивлением взявших в руки пилу!.. Галя из-за одышливой толщины пилить и колоть не может. Остаёмся мы с Татьяной. И вот, обречённо взявшись за пилу с двух сторон, мы пытаемся пилить сырую берёзу. Смешно. Даже берёза бы засмеялась, – если бы не случилась с ней такая неприятность. Кое-как мы одолели не самое толстое бревно, но с колкой дров у нас тоже не очень получается. Срывающиеся с топора чурки бьют нас по спине. Больно! Мы долго издеваемся над

собой и берёзой, но рядом с нами жалкая кучка дров. Устав, усаживаемся на брёвна.

Мимо проходят наши любимые двоечники во главе с Владиком Смирновым. Увидев картину «Учительницы колют дрова», они заходят за угол соседнего дома и о чём-то громко шепчутся. Я не выдерживаю:

– Влад, вы чего там обсуждаете?

– Может мы дров наколем?

– Ну наколите.

– А «три» за четверть поставите?

– Поставлю.

Татьяна неодобрительно слушает диалог: «Ты чего?»

– Да ничего. Что, хочешь продолжить схватку с сырой берёзой?

Татьяна замолкает. Ребята бросают портфели и берутся за брёвна. Часа через полтора половина дров покоится в наших снях. Вторую допиливает мой брат, студент политеха, приехавший меня проведать.

Бюст Ленина

Затея сельской остроты!

А.Пушкин

Сижу в учительской. У меня «окно» – перерыв между уроками. Напротив меня завуч математичка Мария Максимовна проверяет домашние работы. Она же по совместительству ведёт уроки рисования в младших классах – специалиста нет. Передо мной стопка альбомов четвероклассников. От нечего делать открываю один. Вот натюрморт: кувшин, цветочки, кружка. На последней странице какое-то лицо на подставке: лысый череп, оттопыренные уши, глаза – один выше, другой ниже, усы – как у Сальвадора Дали. Сроду бы не догадалась, кто это, если бы под изображением не было надписи. Пляшущие разнокалиберные буквы гласили, что

это – В.И.Ленин!

Я чуть не поперхнулась собственной слюной. Быстро пролистала остальные альбомы: везде это странное существо и надпись, не оставлявшая сомнений, что перед нами вождь мирового пролетариата, каким его представляют малолетние художники. В журнале (в графе «Тема урока») красуется запись: «Рисование бюста Ленина». Я не выдерживаю:

– Мария Максимовна, посмотрите, что нарисовали дети!

Она смотрит и говорит:

– А что?

И тогда я рассказываю коллеге поучительную историю из собственной школьной жизни. В городской школе, где я училась, выпустили стенгазету к очередной ленинской годовщине, и один старшеклассник, очень талантливый рисовальщик, изобразил портрет Ленина. Газета провисела ровно день. На следующий – самодеятельный художник, его классный руководитель и директор школы были приглашены в учреждение из трёх букв на собеседование. Никто не знал, о чём с ними там говорили, но больше в нашей школе Владимира Ильича никто не рисовал.

Лицо коллеги становится белым, как ранний чистый снег. Заикаясь, она спрашивает:

– А ч... что делать?

– Берите стёрку и стирайте тему в журнале. Пишите новую: «Рассказы о русском пейзаже». А листы нужно вырвать из альбомов и уничтожить. И никому не говорите об этом.

Мы мелко рвём альбомные странички и бросаем в мусорную корзину, где «Бюст Ленина» и упокаивается поверх бумажногохлама.

«Только не сжата полоска одна»

Мы работаем сначала на картошке, потом на свёкле.

Смотрю на четвероклассниц с их тонюсенькими ручонками, обирающими землю с картошки, которая уже хлюпает, потому что подмёрзла. Мне как-то не по себе. Дети в городе сидят в тёплых классах, а наши ползают по полям. Не разрешаю четвероклашкам носить вёдра с картошкой, этим занимаются ребята постарше. Работаем с утра до обеда. И так почти всю первую четверть, за исключением тех дней, когда идёт дождь.

И как же обидно, когда кучи того, что мы собрали, не успевают вывезти, и они уходят под снег! Проезжая мимо нескошенных полей пшеницы, невольно вспоминаешь Некрасова: «Только не сжата полоска одна...»

Да нет, Николай Алексеевич, не полоска, а целое поле. Мне стыдно перед землёй: я хоть и прожила большую часть жизни в городе, но все мои предки – крестьяне, и в глубине души я чувствую свою вину перед землёй-матушкой.

Журналистские страсти

В нашей школе газетный бум. Стены все увешаны журналистской продукцией. Тут и культурологическая «Малая Бригантина», младшая сестра нашей факультетской «Бригантины», и «Наша жизнь», и предметные стенгазеты. Мы пишем обо всём: о художниках, писателях, кино, музыке, о событиях нашей школьной и сельской жизни. Очерк, эссе, репортаж, обзор, аналитические заметки – всё это дети осваивают на практике.

Изучаем творчество Некрасова и решаем провести анкетирование среди пожилых сельчан: какая жизнь лучше – прежняя или нынешняя. Мы надеемся: они ответят, что теперь жизнь в деревне стала лучше. Как бы не так! Большинство пишет, что раньше было не в пример веселей и дружнее... Ребята смотрят на меня с недоумением. Углуб-

ляться в политику не будем, – тем более, что она меня никогда особенно не привлекала. И я объясняю, что старики ответили так, потому что раньше, в прошлом они были молодыми. Мы печатаем ответы такими, какими они получились. Пусть каждый делает свои выводы.

Котя

Нас одолевают мыши. Как только мы гасим свет и собираемся отправиться в царство Морфея, начинается громкое шуршание в большой картонной коробке, где хранятся наши продукты. Чертыхаясь, мы поднимаемся, девчонки пищат от страха, а мне это так надоело, что я, надев грубую рукавицу, ловлю наших серых квартиранток и, открыв конфорку печи, бросаю туда приживалок. Юлия Петровна, новый словесник, приехавший на замену Галине, и Таня считают меня живодёром. Где-то читаю: если повеситьдохлуюмышь, то остальные смоятся. Нет, ничего не помогает! И тогда мы решаем прибегнуть к кардинальному средству: занимаем у коллеги кота по кличке Котя. Он лениво смотрит на нас, как бы говоря: «Ну чего вам от меня надо? Беспokoите уважаемого кота! Идите, оставьте меня одного...»

Мы идём на работу. А Котя остаётся в нашем ореховом домике. Вернувшись, с испугом наблюдаем поле боя: повсюду на полу кровь, под столом лежит Котя, а рядом с его мордой половинка мыши, которая, видно, не влезла в кота.

Девчонки расстраиваются: вдруг кот помрёт от передания?! Смотрю на Котю и уверяю коллег, что кот не настолько глуп, чтобы обожраться до смерти. Полмыши–то он не доел, значит, не дурак.

Кое-как приведя кота в порядок, спешим вернуть его хозяевам (от греха подальше). Уж лучше сами будем отлавливать незваных гостей.

Ложные опята

Галя на больничном. Мы с Татьяной остаёмся одни в нашем ореховом домике. Продукты на исходе. Хочется чего-нибудь вкусенького. И я уговариваю Татьяну пойти в лес за грибами. На улице бело от первого лёгкого снежка, лёгшего на сухую землю, – значит, сойдёт. Коллега смотрит на меня, как на не совсем здоровую особь. Странно, но я всегда могу уговорить на какую-нибудь авантюру. Вспоминаю, как на фото кадра из «Трёх мушкетёров» моя однокурсница написала: «Атос, Арамис, Портос и Зимина». Может, живёт во мне Д'Артаньян со всеми его придамбасами?..

Короче, мы собираемся повторить опыт далёких предков, собирателей из каменного века. Примёрзший лес встречает нас свежим запахом прели. Татьяна объясняет: «Вот следы кабана, а вот тут прошёл лось». А я с тоской думаю: «Сейчас бы кусочек жареного мяса», – но понимаю, что с этими «ребятами», встретятся они нам с Татьяной, нам не справиться, – скорей уж добычей станем мы сами. И я заставляю себя думать о чём-нибудь вегетарианском (мясо подождёт до лучших времён).

Наконец мы находим несколько деревьев, стволы которых усыпаны подмёрзшими грибами, похожими на опята. Но Татьяна не уверена, что это они... Мы собираем добычу в целлофановый пакет и, удовлетворённые «охотой», возвращаемся домой. У магазина стоит кучка женщин. Подходим и спрашиваем, не знают ли они, что это за грибы. Женщины смотрят и испуганно взмахивают руками: «Девочки, не ешьте их, это ложные опята, их у нас тут не едят».

Мы благодарим за консультацию, идём домой, вываливаем грибы в тазик и моем. Татьяна грустит. Я говорю: «Ничего, Тань, мы попробуем, а если что не так, выплюнем».

Затапливаем печь, ставим на неё сковороду, наливаем

подсолнечного масла; когда оно начинает вкусно шкворчать, вываливаем вымытые и перебранные грибы. Господи, что за запах!.. Наливаем из четвертинки по 50 граммов водки – для профилактики. И закусываем вкуснейшими грибочками. Вечером, на всякий случай простившись с Татьяной, заваливаюсь спать. Если и помру, то сытой и в хорошем настроении.

Утром мы обе просыпаемся в добром здравии. То ли бабы сами не разбирались в грибах, то ли мороз убил зловредные микробы, то ли наши голодные желудки были до того рады, что им хоть что-то бросили, что без сопротивления переварили всё.

В Ленинграде

*Январь, старик в державном сане,
Садится в верховые сани, –
И устремляется олень,
Воздушной вальсовых касаний.*

М.Кузмин

На зимних каникулах мы отправляемся в Ленинград. Теперь уже иду проторённым путём – без проблем. В обкоме профсоюза работников сельского хозяйства у меня появляются знакомые: я у них уже второй раз.

В Питер мы приезжаем рано, а в гостиницу заселяют только в полдень. Оставляем вещи в камере хранения, и я веду ребят к Зимней Канавке. Они потрясены. Имперская красота города покоряет с первого взгляда.

Иду по городу со своими учениками и мысленно благодарю своего учителя Николая Афанасьевича Шеваркова, Афоню, как ласково называли мы его между собой. Именно он впервые привёз нас, девятиклассников, сюда. Мы жили в одной из школ, спали на матах в спортзале. Да разве это важно в сравнении с тем, что мы увидели и о чём узнали!? А теперь уже я иду со своими учениками, чтобы они испытали

восторг, как я когда-то. Мы живём в гостинице «Октябрьской» возле Московского вокзала, питаемся в кафе. У нас есть групповод, но я обхожусь без его услуг. Мы стоим в очереди в те музеи, которые не запланированы. Русский музей, музей-квартира Пушкина на Мойке, кунсткамера, зоологический и музей ВМФ. Ребята устают, но я объясняю, что отдыхать мы будем в Петровском, а сейчас должны как можно больше увидеть. Всё вроде идёт по плану. Но после одной из экскурсий «теряется» Витя Трушкин – прозевал нужную остановку. Мы возвращаемся в гостиницу без него. На душе неспокойно, ребятам тоже не по себе.

Но вот на пороге моего номера появляется согбенная фигура Трушкина. Она выражает крайнюю степень раскаяния. Смотрю на него и говорю:

– Ладно, Вить, иди, ты всё понял?

Он молча кивает и закрывает дверь. Галка Краснова, живущая со мной в номере, явно недовольна:

– Валентина Дмитриевна, надо было его изругать!

– Ладно, Галь, он всё понял и, слава Богу, вернулся сам, избавив нас от поисков.

Но Галка явно не удовлетворена таким объяснением.

По следам Раскольникова

В последний день в Ленинграде нас выписывают из гостиницы в полдень, а поезд только вечером. Пообедав, мы сдаём вещи в камеру хранения на вокзале, и у нас несколько часов свободного времени. Все разбегаются по магазинам, а мы с Галкой едем в дом Раскольникова.

Сумерки в Ленинграде особенные – голубые с желтоватым оттенком из-за фонарей. Как на картине Николая Ярошенко «Невский проспект ночью».

Приезжаем, входим в арку. Слева дворницкая, входим

в парадное, поднимаемся на последний этаж, видим выщербленные ступени, ведущие к двери с большим амбарным замком. За ней, как гласит литературное предание, и находилась каморка Родиона Романовича.

Дверь в парадном хлопает. Галка смотрит на меня с ужасом. На этаже под нами двое незнакомцев останавливаются и звонят в дверь. Она открывается, и мы становимся невольными свидетелями разговора:

- Где деньги?
- Отдам...
- Два дня, знаешь, что ждёт...

Мы с Галкой вжимаемся в стену и стараемся ничем не выдать своего присутствия. Незваные гости ещё что-то угрожающе бормочут, и их топот удаляется. После того, как они покидают парадное, мы с Галкой, озираясь, спускаемся вниз, на дно двора-«колодца», быстро пересекаем двор и выскакиваем на освещённую улицу.

Уф, и наполохали же вы нас, Фёдор Михайлович, даже через сто лет! Остальным о нашем «литературном» приключении мы ничего не рассказываем.

«Нетопленный чернеет дом»

Возвращаемся после зимних каникул в Ласточкино. Наш ореховый домик не топлён почти 10 дней. Войдя и включив свет, видим покрытые серебристой изморозью стены. Красиво! Но холод собачий. Потом обнаруживаем, что вода в кране замёрзла, а печка не растапливается.

Берём кастрюли, банки и идём к роднику. Месяц, сверкающий снег; переходим замёрзшую речонку по деревянному мостику и слышим, как звенят в вечерней тишине струи воды. Чудо! Подставляем посуду, наполняем холодной водой – и назад. На электрической плитке кипятим воду,

завариваем чай. Какое же это наслаждение – горячее дымящееся питьё, о которое мы греем руки. Решаем лечь спать «во всём», не раздеваясь. Зато утром – только умыться и почистить зубы, и ты готов к труду и обороне. Шутка, похожая на правду.

Весенние заботы

*Опять весна: опять смеётся луг.
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.*

Е.Баратынский

Весной многие старшекласники отсутствуют на уроках. Нет, виноваты не соловьи. Всё гораздо проще: начинается сев, и ребята помогают, работая вместе с отцами. Земля – это святое, и потому учителя смотрят на «прогулы» сквозь пальцы. Владик Смирнов среди «прогульщиков», и я иду к нему домой, чтобы поговорить насчёт его возвращения с полей за парту. Вхожу во двор и вижу мать Влада с огромным животом, – ей, видно, скоро рожать. Она испуганно смотрит на меня – ведь учителя не приходят с радостью. Владик тащит корзину с сеном, Юрий – младший Смирнов – моет пол. Я на ходу придумываю что-то нейтральное – просто так зашла, проведать, посмотреть, как дела...

Влад провожает меня до калитки. Возвращаюсь домой и думаю о том, что когда Смирнов вырастет, кому-то сильно повезёт с мужем, надёжным и работающим. А ты с какой-то успеваемостью!

Ёжик

Иду проведать тётю Нюру. На обратной дороге в свете фонаря вижу спешащего куда-то ёжика. Не удержавшись, бе-

ру его на руки. Он свёртывается в клубок. Мне больно, но я просовываю палец сквозь колючки и чешу его мягкое пузечко. Он распрямляется, и его забавная мордочка со свиным пяточком с любопытством рассматривает меня.

Поглаживая свою добычу, прихожу домой. Девчонки визжат от восторга. Кормим ежа молоком и ложимся спать. Но тут он начинает бегать по комнате, топоча, как слон.

Кое-как всё же засыпаем. А в середине ночи раздаётся жуткий крик. Татьяна врубает свет, я инстинктивно хватаюсь за топор (он стоит за печкой рядом с моей кроватью).

Иерихонской трубой оказывается Юлия Петровна. Она стоит посреди комнаты на одной ноге, как цапля на болоте, поджав другую, и мычит что-то невразумительное, указывая на свою кровать. Оказывается, наш квартирант спал-спал в коробке с Юлькиными учебниками, а потом пристроился в её ногах на кровати. Юлька вытянула ногу, ёжик с испугу превратился в колючий шар, в который коллега и ткнулась голой ступнёй. Кое-как успокоившись, мы снова улеглись, посадив ежа в коробку с бельём.

На другой день отношу нашего постояльца туда, где подобрала его. Он, деловито спеша, скрывается в траве, а я с лёгким сердцем иду домой.

Да, плохо, когда природа пересекается с окружающей средой, да ещё и глупой: ну зачем я потащила ежа в дом? Шёл он по своим делам и шёл бы...

Улыбка Моны Лизы

Некоторые педагогические наблюдения: учителя делятся на три категории: спокойные, как удавы (этим всё равно, что творится в классе, хоть землетрясение, – они ведут урок, и неважно, слышат их или нет); психованные (эти чуть что – топают ногами, кричат, обзывают учеников придурками,

дебилами, кто пограмотней – олигофренами); наконец – артисты. Для них урок – представление, ученики – партнёры, а значит, надо чувствовать друг друга и подыгрывать, чтобы удовольствие было обоюдным.

Дети быстро привыкают к орущему учителю, он их даже забавляет, потому что заводится с пол-оборота. Но ничто так не обескураживает учащихся, как обещающая что-то непонятное улыбка Моны Лизы. Примерьте эту улыбку на своё лицо, и увидите – смутившийся ученик воззрится на вас с неммым вопросом: «Вы чего?» А раз задался таким вопросом – значит, займётся поиском ответа, и тут уже не до баловства.

Я иногда пользуюсь подсказкой Леонардо.

Танцы-шманцы

Июнь в сельской школе по сути начало «мёртвого сезона». Восьмой и десятый классы одни. Экзамены проходят быстро. А по вечерам вся местная молодёжь собирается в клубе. Он похож на ангар, большой и не очень уютный, но тут крутят пластинки, и все желающие танцуют.

Сажу в первом ряду перед танцевальной площадкой, слева и справа – ученики. Рядом со мной Игорь, конструктор с машзавода, работающий в колхозе на свёкле. Он тихо шепчет мне на ухо: «А вам никто не говорил, что у вас такая же родинка над губой, как у Мерилин Монро?»

Говори, Игорёк, да не заговаривайся... Смотрю на себя со стороны: ситцевое платье, полукеды, два хвостика, перевязанные узкими ленточками. Мерилин Монро, ага. Вылитая...

Игорь приглашает меня на танец, мы медленно движемся по площадке, и моя спина ощущает «пламенные» взгляды учащихся, которые явно не одобряют моего поступка. Детская ревность для меня не новость.

После танца мы возвращаемся на свои места. Дверь с

шумом открывается, и в зале с огромной охапкой сирени появляется уже знакомый мне моряк Лёха Петушков. Он снова в отпуске в родных пенатах. Завидев нас с Игорем, демонстративно бросает охапку к ногам двоюродной сестры Гусиной из 8 класса и садится недалеко от нас, делая вид, что ему всё до лампочки. Мне – тем более.

Игорь провожает меня домой после танцев. В ореховом домике я одна: девчонки в отпусках.

«Паннония»

Лёха Петушков появляется в клубе по вечерам. Он приезжает из Петровского на венгерском мотоцикле марки «Паннония». Мотоцикл – предмет зависти всех местных, мальчишки окружают его, как только он останавливается.

Однажды моряк-мотоциклист приглашает меня прокатиться. Я соглашаюсь, хотя в душе понимаю, что поступаю, наверное, неправильно. Петушков несётся на мотоцикле как сумасшедший, не разбирая дороги, скользит по мокрой траве. Я цепляюсь за него и молюсь, чтобы мы не свернули себе шеи. Да, морячок, видно, без тормозов...

Сворачиваем в лес. Влажные ветки хлещут по лицу. А запахи! Никакая «Шанель №5» не сравнится с запахом летнего русского леса! А вот и полянка у дороги со сваленными деревьями. Петушков останавливается, слезает с мотоцикла. Разворачивает меня на сиденье, и начинается, так сказать, пальпация. Сама виновата: не будешь с кем попало кататься! Прерываю его телодвижения:

- Может, сначала познакомимся?
- Алексей.
- Валентина Дмитриевна.
- Вот как? Только я не ученик, так что – Валечка.

Когда он делает попытку снять меня с мотоцикла, я

осторожно говорю:

– Алексей, нам нужно возвращаться, а то мои дети меня не поймут.

Он усмехается, но руки с моей талии убирает, и мы летим к клубу, где уже начинают беспокоиться мои ученики, которые «пасут» учительницу.

Вечереет

*Так из муки в муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь.*

А.Сумароков

Рыжий моряк несколько дней не появляется, и я начинаю замечать в себе странные признаки: я скучаю по этому нагловатому, с хозяйскими замашками, парню.

А может, это просто потому, что свободных мужчин в деревне нет? Не будешь же проводить время с учениками... Петушков теперь для меня «Паннония», это его кличка. Да он чем-то и вправду напоминает свой мощный и непредсказуемый мотоцикл. Такой же бесшабашный.

Петушков появляется в клубе внезапно, когда я уже усюпаиваюсь. Замечаю на себе его насмешливый взгляд, под которым хочется съёжиться. Почему я чувствую над собой его странную власть? «Паннония» подходит ко мне и снова предлагает прокатиться. Ну уж нет! Вдобавок от него несёт спиртным. Когда я говорю об этом, он смеётся:

– А ты знаешь, что настоящий мужчина должен быть всегда чисто выбрит и слегка пьян?

Да где уж нам знать. Единственный вывод из знакомства с «Паннонией» – держать с ним ухо остро. В нём чувствуется какая-то не знакомая мне, но угрожающая сила.

Мы ещё несколько раз встречаемся с Петушковым. Он

умеет обращаться с женским полом. Против него нелегко устоять, но это не мой случай. Когда дело доходит до серьёзного, я говорю, что мне нельзя. «Паннония», фыркнув, садится на стул. Я смотрю на опущенную рыжую голову, и мне внезапно становится нестерпимо жалко Петушкова. Поднимаюсь с постели, на которую он меня уложил, подхожу, обнимаю его разудалую головушку и прижимаю её к груди. Лёха не сопротивляется.

Год третий

Роняет лес багряный свой убор...

А.С.Пушкин

Школа готовится к переезду в Петровское – там нас ожидает новое современное двухэтажное здание со всеми удобствами. А пока школьная жизнь идёт по накатанной колее: уроки, внеклассная работа, стенгазеты и т.д. Мы всё ещё в ореховом домике, но настроение уже чемоданное.

По первому снегу перевозим школьное имущество. Парты установлены на деревянном прицепе на деревянных же полозьях. Тащит нас трактор. С последней порцией парт едем мы с Татьяной. Она беременна. Сажая её за парту подалеже от края прицепа, сама стою на краю, придерживаядвигающиеся парты собственным животом. Нас мотает по дороге между Ласточкино и Петровским. Уже рядом с новой школой трактор нервно дёргает прицеп, и парты начинают наползать на меня. Побледневшая Татьяна цепляется за борт прицепа, а я срываюсь и повисаю на одной ноге... Кое-как взбираюсь обратно на прицеп. Нога саднит, чулок порван. Встречающие нас у школы ученики, увидев эту картину, взбешены. Ругаясь, они стаскивают нас с Татьяной с прицепа и начинают заносить парты в школу. Мы же заходим в кабинет Татьяны на втором этаже и осматриваем ногу: здоровенный синяк с внутренней стороны бедра сиреневеет на глазах.

Директор вызывает меня в кабинет и начинает распекавать за то, что поздно приехали. Я смотрю в его узкие чёрные глазки и срываюсь:

– Скажите спасибо, что мы вообще доехали живыми! А не то муж Татьяны быстро бы разобрался с вами!

Директор замолкает.

А мы с Татьяной отправляемся в свою двухкомнатную квартиру в двухэтажном доме. Квартира небольшая, но по сравнению с ореховым домиком она кажется нам дворцом. Главное – топить не надо. В большой комнате живём мы с Татьяной, а в той, что поменьше – Юлия Петровна. Она второй год работает в нашей школе.

А школа – по типовому проекту с кабинетной системой, спортзалом, с раковиной в каждом кабинете: хочешь – сполосни тряпку, хочешь – смой мел с рук. И отдельный туалет для учителей. Лепота!

После каникул нам предстоит оформлять новую школу. А на каникулы мы собираемся в Харьков и Полтаву. Когда я в очередной раз появляюсь в обкоме, чиновник, выдающий мне документы, смотрит с явной симпатией и говорит:

– А я вашим ученикам завидую.

– Почему?

– Моя дочь учится в престижной школе, но их никуда не возят, а вы своих – уже в третий раз из глухой деревни.

Радуйся, – думаю я, – твоя дочь имеет дело с нормальными педагогами...

Анатомия любви

В группе в основном те ребята, которые были в предыдущих поездках, с ними легче работать, да и они привыкли к переездам. Решаюсь взять четвероклассника Илюшку Пашкова. Он очень любит историю. Да и его собственная история

заставляет меня пожалеть пацана: мать Илюши, намного больше отца, бросила их, когда мальчик был ещё маленьким, воспитывают его папа-дедушка и его престарелая сестра.

Илюшка радуется поездке, а я иду к ним домой, чтобы проконсультировать папу. Постучав, переступаю порог прокуренной комнаты и вижу отца и сына за столом с сигарками во рту. Меня приглашают присесть. Илюшкин папа, старичок с живенькими, весёленькими глазками, взирает на меня с интересом. Вот тебе и старичок! Объясняю старшему Пашкову, что мальчику надо собрать 2-3 рубашки и столько же пар носков, мы едем на неделю. Дедушка обещает в точности исполнить мою просьбу. С тем я и выметаюсь из гостеприимного дома Пашковых.

«Анатомия любви»

Приезжаем в областной центр, и в бюро путешествий, извинившись, нам говорят, что мы уезжаем только на другой день: произошла какая-то путаница с билетами. Нам предоставляют гостиницу на сутки. Заселившись, мы обедаем в диетической столовой и решаем сходить в кино. В ближайшем кинотеатре идёт «Анатомия любви». Покупаем билеты. Контролёр, отрывающий корешки, видит Илюшку и говорит, что не пропустит его: фильм детям до 16-ти. Долго объясняю ей, что не могу разорваться на две части, чтобы одна наблюдала за детьми в зале, а другая следила за Илюшкой в вестибюле. В конце концов дама входит в моё положение и пропускает нас – с условием, что я буду прикрывать Илюшке глаза ладонью в особо интимных сценах. Смотрим фильм, и я честно исполняю обещанное, избавляя Илюшку от лицезрения постельных сцен.

Вечером в гостиничном номере (Пашкова я беру к себе) узнаю и тайну того, где же у Ильи вещи, о которых я так

долго рассказывала его папе. Раздев Илюшку, вижу, что на нём надеты сразу три рубашки и три пары носков... Сельский юмор и находчивость! Мальчика помыли, а вот ногти на ногах и руках постричь забыли. Идём в ванную. Там своими маникюрными ножницами остригаю его ноготки. Он споласкивает руки и ноги, и я укладываю его спать на диване. Моя кровать в соседней комнате. Вдруг раздаётся телефонный звонок. Испуганно поднимаю трубку. Гнусавый и какой-то липкий мужской голос произносит:

– Здравствуйте, а вы не могли бы поговорить со мной?

Вот гад. Хочу послать незнакомца куда подальше, – а то мне своих проблем мало! Но гад не собирается вникать в мои проблемы, ему нужно решить свои. Какие – я понимаю, когда он вдруг начинает интересоваться цветом моего белья и позой в постели.

Зачем-то отвечаю, как послушная ученица:

– Комбинация светло-сиреневая, а сплю всегда на боку. Всё?

Гад начинает сопеть в трубку, как будто что-то передвигает. Он хочет продолжить разговор, но я вежливо извиняюсь, говоря, что в мой номер стучат, и кладу трубку. Тьфу!

Не стала бы я писать об этом, если бы не вполне законная обида за Родину, в которой, по утверждению одной нашей соотечественницы, секса не было. Был секс в СССР, был, – и даже телефонный. У психов.

Полтавская битва

Мы в Харькове, в хорошей гостинице. Приближается Новый год. Покупаем трёхлитровую банку сока, сладости. Вечером 31 декабря собираемся в номере у девчонок. Поздравляю всех с праздником, дружно съедаем всё и расходимся по номерам. Примерно через час в наш с Галкой Красновой но-

мер стучат, и Саша Ягодкин сообщает мне, что Владик Тёмкин (по кличке Баран) выпил водки и собирается гулять по ночному Харькову. И всё оттого, что городская девочка из второй половины группы отвергла его ухаживания. Одеваюсь и вместе с Галкой Красновой отправляюсь в номер к мальчикам. Тут одни старшекласники. Баран сидит одетый в углу. Пытаюсь его уговаривать, но он тупо смотрит на меня, в глазах его боль. Ромео недоделанный! Он меня не слушает и пытается встать.

Дорогой читатель, конечно, помнит известную фразу «Остапа понесло». И меня тоже. Я истерично рыдаю и, разбрызгивая слёзы и слюни, начинаю пламенную, но никак не планировавшуюся речь. «Во первых строках» своего «выступления» отдаю должное уму и сообразительности коллег, которые мирно встретили Новый год и так же мирно покоятся в своих постелях. Затем прохожусь по собственной персоне, не щадя её:

– ...И только такая непроходимая дура, как Валентина Дмитриевна, всё время ищет приключения на свою неумную голову и мотается с неуправляемым стадом по городам и весям Советского Союза!

В конце обещаю, что делаю это в последний раз. И наконец понимаю, что начинаю отключаться. Как утопающий кричит: «Тону», так я кричу: «Галя!»

Верная Галка бежит в наш номер и возвращается с пакетом лекарств на все случаи жизни. Испуганные дети начинают пичкать меня всеми таблетками, я покорно глотаю всё и запиваю водой из графина. А потом отключаюсь.

Утром очухиваюсь с адской головной болью и неясностью во всём теле. Вокруг меня любимые детишки с испуганными глазами. Когда я открываю свои, то вижу на лицах невероятное облегчение: они, видно, уже не надеялись, что я вернусь к жизни, и готовили объяснения для милиции про

обстоятельства кончины их придурковатой училки.

«А, – думаю я, – есть справедливость на белом свете: и вам невесело!» Но потом мне становится их жалко, а себя ещё жальче, потому как обнаруживаю, что лежу на чужой постели раздетая, всё в той же злополучной бледно-сиреневой комбинации с болтающимся под ней лифчиком, предусмотрительно расстёгнутым чьей-то заботливой рукой. Мама... интересно, кто меня раздевал... надеюсь, не мальчишки. А впрочем, какая теперь разница.

Из-за ночного происшествия мы пропускаем завтрак, прибежавшему групповоду объясняю ситуацию, – умолчав, правда, о водке. Баран, сидящий отдельно ото всех, напоминает козла отпущения с картины Уильяма Холмена Ханта, – хотя, скорее всего, козлом в этой истории была я.

Так здóрово, но не здорóво встретила я 1974 год.

Хлопчик

Впрочем, помнить о ночном происшествии некогда. Мы возвращаемся с детской железной дороги по дороге канатной. Осторожно подсаживаю девочек в дрожащие кабинки, Саша Ягодкин контролирует мальчиков. Поднимаемся на верхнюю площадку и обнаруживаем, что нет Пашкова. С Сашей возвращаемся вниз и видим небольшую толпу харьковчан вокруг нашего Илюшки, который старательно размазывает по лицу отсутствующие слёзы. Вот хитрюга! Из толпы интересуются:

– Откуда ж ты, хлопчик?

– Из Пет-ров-ско-го, – жалобно сообщает хлопчик.

– А что же ты тут один делаешь?

– Потерялся...

– А где же взрослые?

Хлопчик и дальше продолжил бы морочить сочувст-

вующую толпу, но, увидев нас с Ягодкиным, съёживается. Поняв, что хлопчик нашкодил и сам виноват, толпа сразу же рассасывается.

– Илья, где ты был, почему не уехал со всеми?

– Я испугался и спрятался за киоск.

Эх, врезать бы тебе, – тем более, что Песталоцци, Каменского и Макаренко рядом нет...

Кое-как вдвоём заталкиваем дрожащего Илюшку в кабинку и трогаемся наверх. В результате опаздываем на ужин. Подойдя к кафе, в котором питаемся, обнаруживаем: дверь уже закрыта, но в полусвещённом зале движутся какие-то неясные фигуры. На всякий случай стучу в дверь. Когда её открывают, объясняю причину нашего опоздания. Нас впускают в тёплый зал и кормят. Сердобольные хохлушки, знающие семейную историю Илюшки, накладывают ему гору ватрушек. Он ест кашу, огорчённо шмыгая носом и плотоядно косясь на ватрушки.

С кучей самых разных впечатлений возвращаемся в родное Петровское.

Новая школа

Нас ждёт новая школа, которую нужно оформлять. И вот вечерами мы с ребятами вырезаем буквы из цветной бумаги, клеим стенды, которые раскладываем на втором этаже, прямо на полу. Часов в девять вечера отпускаю детей домой и остаюсь одна в пустой школе. Как только смолкают детские голоса, на первом этаже раздаётся топоток крысиных ног. С писком крысы носятся по пустой школе. Такое соседство, конечно, не радует.

Ставлю на проигрыватель «Реквием» Моцарта. Школа наполняется звуками гениальной музыки. Удивительно: крысы перестают пищать и топтать. Они тоже слушают Моцарта.

Примерно часа в 3 ночи закрываю школу и иду домой. Мне предстоит ещё готовиться к урокам.

Дорогой Владимир Семёнович

После Нового года в Петровское приезжает бывший выпускник нашей школы, ныне московский лимитчик Вован. Он привозит записи с концертов Высоцкого и на время оставляет их нам вместе со своим магнитофоном. И вот целый месяц наши подготовки к урокам и проверки тетрадей сопровождается хриплый голос Владимира Семёновича. Он становится единственным нашим источником «информации для размышлений»: телевизора у нас нет, радио тоже. Кроме песен и конференса, на плёнке отчётливо слышны фразы певца типа: «Ну куда же вы, девушка, не покидайте нас!» За точность не ручаюсь, но за смысл – да.

В чём причина сумасшедшей популярности Высоцкого в народе (и не только)? Вроде всё по отдельности – стихи, музыка, актёрское воплощение – далеко от гениальности. Но соединённое вместе – это маленький шедевр и то неповторимое явление, которое называется Высоцкий. Он чувствует Родину нутром. И вот это «нутряное» чувство и делает его единственным в своем роде. Никто, кроме него, не способен исполнять его песни с таким блеском.

Мы слушаем Высоцкого, смеёмся над приключениями его незадачливых героев: «Вдох глубокий, руки шире», «Я раззудил плечо – трибуны замерли», «Разбег, толчок, и стыдно подниматься», «Что случилось, почему кричат?», «Я бегу, топчу, скользя»... Ой, не могу, умру от смеха! Тем более, что всей душой и хилым телом ненавижу физкультуру и спорт. Как вы говорите? «В здоровом теле – здоровый дух»?

Ой, не зря известный американский писатель-сатирик Амброуз Бирс пошутил: «Цитата – неверное повторение чу-

жих слов»... Ведь если обратиться, например, к истории, того же выражения «в здоровом теле – здоровый дух», то выясняется, что автор этой фразы, римский сатирик Ювенал, вкладывал в неё совсем иной смысл, точнее – прямо противоположный тому, который ныне считается общепринятым! В своей 7-й сатире он писал, что «молить надо богов о том, чтобы дух был здоровый в теле здоровом...» Точки над «і» расставила известная римская пословица, сложившаяся на основе этой Ювеналовой строки: «В здоровом теле здоровый дух – редкая удача»... Вот так-то! А вы говорите...

Никогда не забуду, как сдавала в институте лыжный кросс. Маршрут пролегал по капустному полю. Капусту, конечно, убрали ещё осенью, но про кочерыжки позабыли. И к моменту нашего кросса они, будто специально, предательски вылезли из-под снега.

Со старта все уходили бодро: ребята должны были пройти 5 км., мы – 3. Лыжня шла, огибая заросли кустарника. Я стартовала и направила свои стопы – простите, лыжи – по проложенной колее. Объезжаю кустарник – и вижу крутой спуск в овраг, на дне которого что-то непонятное.

Дорогой читатель, вы, конечно, слышали про Верденскую мясорубку. Так вот, там, внизу, была её маленькая копия. Из кучи копошащихся тел торчали палки, лыжи, ноги и руки. Спускавшиеся по крутому склону, не успевая совершить молниеносный манёвр, неминуемо попадали на верх кучи.

Поняв, что на манёвр не способна, закрываю глаза и отдаю себя в руки провидения. Приземлившись на что-то мягкое, кое-как разбираюсь со своими ногами и, сняв лыжи, благополучно выбираюсь на противоположный склон оврага. Теперь предстоит слалом по кочерыжному полю. Главное – не допустить, чтобы лыжи разъезжались между кочерыжками.

Каюсь, дорогой читатель: не доехав до середины маршрута и увидев стожок с передыхающими за ним лыжника-

ми, с удовольствием плюхаюсь к сачкам. Стыдно, но жизнь-то дороже!

Когда возвращаются те, за которыми мы стартовали, тихо пристраиваемся за ними. На финише меня с красной и мокрой мордой, увешанную сосульками, свисающими с моего спортивного костюма, встречает физручка с возгласом:

– Господи, Зимина, пришла! Я уж не чаяла тебя увидеть!

Ага, не хватало ещё помереть на кочерыжном поле во славу отечественного спорта. Нет уж, дудки! Но я рада, что доставила преподавателю радость своим возвращением.

Ох, дорогой Владимир Семёнович, как я понимаю ваших спортсменов!

Огонёк

В школе проходит «Огонёк», посвящённый 8 марта. Приглашены руководители совхоза, колхоза, передовики производства. Они сидят за накрытыми столами с вином, у детей лимонад. Ведут «Огонёк» старшеклассники Саша Ягодкин и Люба Авилова. Всё идёт по сценарию – выступления гостей, поздравления, номера художественной самодеятельности.

Потом мы провожаем гостей, и ребят ожидают танцы. Пришли и бывшие выпускники школы, которые теперь работают в совхозе. Директор подзывает меня и даёт поручение проконтролировать некоторых из этих парней, потому что среди них есть подвыпившие. И я «пасу» ребят. Один из них, весьма проблемный в годы учёбы, поняв суть моего задания, подходит ко мне:

– Неужели Вы думаете, что я сделаю школе что-то плохое? А ведь я Вас любил, когда учился.

Скрытый упрёк в его словах заставляет меня смутиться и покраснеть – вот дурацкая привычка... Я отхожу в сторону, мне не по себе – неужели от глагола в прошедшем времени?

А при чём тут Фрейд?

У директора очередной запой. Директорская жена, тётя Паша, гонит его из дома, и он переселяется в школу. Уроки он проводить не в состоянии, днём отсыпается в учительской, а вечером опохмеляется.

Однажды, открыв дверь в учительскую, вижу директора. Дорогой читатель, если вы знакомы с репродукцией картины внука Зизмунда Фрейда Люциана «Портрет обнажённого с крысой», то вы поймёте, что я вижу. Нет, не великолепное мужское ню, а дробненького мужичка в ботинках и костюме с кепкой на лице. А над ним на спинке дивана – жирная серая крыса. Она внимательно смотрит на меня умными чёрными глазками, в которых я вижу немой вопрос: «Ну, чего явилась? Не видишь – у нас полная гармония. Он пьёт и закусывает, а я доедаю то, что остаётся». На журнальном столике пустая бутылка водки и корки чёрного хлеба.

Напившись, директор становится отчасти откровенным и говорит мне:

– Дмитриевна, я в молодости тоже был, как ты, горячий, но ты не торопись, а то коленку расшибёшь.

И его чёрные глазки испытующе-насмешливо смотрят на меня. Он всегда плачет, когда рассказывает о войне, Курской битве, в которой участвовал как танкист. И я многое прощаю ему за эти минуты пьяного откровения.

«Любовь Яровая»

Мы решаем сделать спектакль к 23 февраля, Дню Советской Армии. Выбираем что-нибудь героическое и останавливаемся на школьной программе: будем ставить «Любовь Яровую». По вечерам репетируем в школе, где никого, кроме нас и спящего в учительской директора, нет. Пьесу мы не-

много сокращаем, убрав массовые сцены, потому что не хватает «артистов». Приходится привлекать ребят из восьмого и даже седьмого классов.

В это время в Петровское приезжает областной драмтеатр. Петушков, который в очередном отпуске, гордо осматривает зрителей, сидящих в зале, и вдруг сообщает мне:

– А ты знаешь, как тебя любит Захарыч?

Захарыч – наш физрук, мой ровесник, хороший и добрый парень, но мы с ним просто друзья. Говорю Петушкову:

– Лучше бы сходил, попросил нам коробочку театрального грима у артистов.

Алексей тотчас исполняет просьбу. Вот он уже беседует с администратором, пышной блондинкой, и приносит мне коробку с гримом. А после спектакля – исчезает на несколько дней: видимо, продолжает знакомство с дамой. День же премьеры неумолимо приближается.

Премьера

Скучен театр, когда на сцене видишь не людей, а актёров.

В.Ключевский.

22 февраля. Сначала уроки, потом прогон спектакля. Потом клуб. Мы показываем «Любовь Яровую» после торжественной части, посвящённой Дню Советской Армии.

Декораций у нас почти нет. Из оружия только воздушное ружьё из спортзала. Стол, несколько стульев, поломанный телефон (его звонок имитируется звоном будильника) – вот и вся обстановка нашей сцены.

Дети загримированы, седина на висках из моей пудры. Детишки совсем неузнаваемы, я и сама дивлюсь на них. Всё идёт нормально. Я сижу на фанерном кубе за кулисами и дирижирую действием: выталкиваю на сцену зазевавшихся артистов, поправляю грим, работаю суфлёром. Всё это – одно-

временно. Усталость адская. Вдобавок с утра не евши. Рядом со мной семиклассник, испуганно озираясь, трясётся перед выходом на сцену. Голова как в тумане. Ехидно интересуюсь:

– Ну, какого х.. стоим?

Он пулей вылетает на сцену... а до меня доходит, чем вызвана такая скорость. Растерянно оглядываюсь на стоящих рядом старшеклассников, они понимающе улыбаются.

– Извините, сорвалось, – пытаюсь объяснить я.

– Да ничего, бывает, Валентина Дмитриевна!

Угу, не хватает, чтобы они ещё снисходительно похлопали меня по плечу.

Из зала доносятся голоса зрителей:

– Глянь-ка, да это Танькина девка!

– А это Тёмкиной малый! Во дают!

Сцены со Швандей и Дунькой вызывают дружный хохот зрителей. Но вот и конец. Мы спускаемся в зал, идём по проходу. Меня останавливает мать Влада Тёмкина и говорит:

– Валентина Дмитриевна, спасибо вам за наших детей.

Я смущена: «спасибо» в деревне услышишь нечасто. Переодеваемся в комнате, где гримировались; я делю между актёрами купленные мной конфеты.

Придя домой, пытаюсь вспомнить: что-то ещё в моей жизни связано с этим днём... Биолог Татьяна, глядя на меня как на больную, говорит:

– Тебе сегодня исполнилось двадцать пять лет.

Я роняю свою забубённую головушку на тощие ручонки и плачу, на время забыв про щекотливый инцидент за кулисами.

О двух великих русских антидепрессантах

Лирическое отступление № 2

Конечно, учитель не имеет права пользоваться ненор-

мативной лексикой при учащихся. Дети тем более не должны материться. А уж в печати, на ТВ не должно быть и намёка на мат, не то что самого его. Но на деле не всегда получается так, как хочется.

Русский мат существует много веков, его изначальный смысл известен небольшому кругу специалистов. Да, есть такие доки! Не помню, где читала о том, как в центре Москвы из люка слышался громкий мат: ругался молодой рабочий. Старушка, «Божий одуванчик», проходившая мимо, остановилась, нагнулась над люком и... стала поправлять ругающегося, произнося слова так, как нужно. Не знаю, что стало с работягой, но думаю, что он в тот момент забыл не только мат, но и всё остальное.

Старушка оказалась профессором-лингвистом, специалистом по русскому мату. Ей обидно было слушать такой косявый, неграмотный мат. Вот и поправила.

Наверное, надо просто объяснить людям, что первоначально означали те слова, которые теперь стали ненормативной лексикой. Может, когда исчезнет магический налёт с этих слов, то неинтересно станет ими пользоваться? А если серьёзно, мат – такая часть нашей национальной культуры, как и многое другое. Нужно бережно обращаться с ним. Он – часть разговорного языка. Другое дело, если мат превращается в единственный разговорный язык, – это, конечно, противно и гнусно. Но используемый к месту и по делу, он придаёт некий шарм изложению. Вспомним дневники и переписку наших великих...

А какой анекдот без него, родимого?

Идёт трамвай. В вагоне тихо, только один мужик периодически горестно вздыхает:

– Ё... твою мать...

К нему подходит едущий в этом же вагоне милиционер и говорит:

– Гражданин, вы почему выражаетесь в общественном месте?

Мужик:

– Интересно, что бы ты сказал, если б твоя жена двойню родила, и оба чёрные!

Милиционер:

– Ё... твою мать...

Как говорится, без комментариев. Коротко, ясно, и видно настроение. Попробуйте пересказать эту историю своими словами, и вместо того, чтобы засмеяться, заплачете.

Мат не запрещать надо, а учить пользоваться им правильно, грамотно и красиво. Есть же мастера этого слова, в устах которых мат звучит, как песня. Умеешь пользоваться вторым родным языком – пользуйся на здоровье, но не в телевизоре и газете.

А бывают ситуации, когда иначе не выразить чувств. Ещё один анекдот:

Приходит мальчик из детского сада и ругается матом. Взволнованные родители бегут в сад и жалуются директорше. Та говорит: «Да вы что, у нас никто не ругается! Может, с соседней стройки донеслось?»

Родители идут на стройку и видят там хромающего прораба. Говорят ему о своей проблеме. Прораб объясняет:

– У нас никто не ругается. Вот на днях мне крановщик плитку на ногу уронил, а я ему говорю: «Коля! Ты неправ!»

Если вы русский, ни за что не поверите, что Коля услышал именно эти слова. Да и мат-то не случайно так надолго задержался в языке, ибо в нашей жизни много таких ситуаций, о которых по-иному трудно выразиться.

Или вот ещё один злейший враг нашего народа – родимая сорокаградусная. С ней тоже давно борются. А ведь мат и водка – наши национальные антидепрессанты, которые всем по карману. Это изнеженная Европа и пошлые Штаты

чуть что – бегут к психоаналитику плакать в жилетку. А у нас масштабы не те. Да и попробуй найти психоаналитика на безбрежных просторах Сибири или тундры, там и простого терапевта с трудом обнаружишь... Ну и – не привыкли мы к таким нежностям. Душа болит – «ё... твою мать» и полста граммов. Вот и всё обезболивание!

А как бы мы без этих антидепрессантов переносили припадки родной истории? Мы ведь всё время что делаем? Строим, рушим, восстанавливаем. Свергаем, расстреливаем, причисляем к лику святых. Обсираем старую историю, пишем новую, с ней поступаем так же, опять всё переписываем. Есть от чего чокнуться.

У меня на книжной полке гжельская скульптурка: Емеля сидит на печи, чешет затылок. Я называю эту композицию длинно: «Ё-моё, чё ж я наделал-то, ё... твою мать...» Это такой наш национальный слоган. А ещё вспоминается Александр Сергеевич: «Давно девиз всякого русского есть чем хуже, тем лучше».

Вот так и живём. Ничего себе живём. Солнце пока светит, лето сменяет осень, потом приходит зима, а за ней – неминуемо весна. Главное, чтоб не было войны. И это не шутка.

А всё остальное – х..ня. Переживём!

Флюс

У меня болит зуб. Так как стоматолога в районе нет, еду домой, отпросившись с работы. Зуб пломбируют не сразу, и я возвращаюсь в деревню через три дня. На уроках замечаю некоторую напряжённость в поведении учащихся.

Всё объясняет разговор с Татьяной. Оказывается, завуч по учебной части, – мать-одиночка, родившая в девках, – видно, вспомнив боевую молодость, предположила, что я поехала делать аборт. Дети учителей принесли «новость» в школу.

Я потрясена подлостью коллеги. На мнение учителей мне, честно говоря, плевать, но вот мнение детей для меня безразлично. Разозлённая, вхожу в учительскую и прошу директора отпустить меня к гинекологу за справкой, что я девственница.

Обескураженный директор растерянно спрашивает:

– А зачем?

– А затем, что я эту справку повешу на дверях вашего магазина для всеобщего ознакомления, чтобы удовлетворить, так сказать, всеобщий интерес. А то у некоторых особенно нравственных людей сомнения возникают.

Директор краснеет и бормочет что-то невразумительное.

Вечером говорю Петушкову, как бы ему не пришлось алименты платить, ведь меня с ним постоянно видят во время его приездов в отпуск. Он смеётся, но узнав подробности, скрипит зубами:

– Вот сволочи.

Таганка

После «Любови Яровой» обещаю детям, что мы поедем в Москву, в театр на Таганке. Вот дура, ещё бы на Луну свозить их пообещала! Но – слово не воробей.

На весенних каникулах с заявкой на 15 билетов, заверенной школьной печатью, еду в Москву, останавливаюсь у крёстной. Утром отправляюсь к театру, там уже толпа жаждущих попасть на вечерний спектакль: «10 дней, которые потрясли мир».

С трудом продираюсь к окошку администратора и стучу. Окошко открывается, и в нём показывается «лицо библейской национальности». Оно брезгливо берёт у меня заявку и, ознакомившись с ней, ехидно спрашивает:

– Девушка, а вы знаете, куда вы пришли?

– Знаю, – уверенно отвечаю я, уже понимая, чем всё это кончится.

Администратор посылает меня в театр имени Гоголя (а может, и куда подальше) и возвращает заявку. Окно захлопывается.

Вечереет. За весь день я сгрызла одно яблоко, засунутое крёстной в мою сумку. Спектакль начинается прямо на улице, актёры пляшут и поют частушки времён революции. Два красноармейца накалывают корешки билетов на штыки. В общем – Таганка! Мы с завистью смотрим на счастливых, входящих в театр. Постепенно толпа рассасывается, я остаюсь вдвоём с каким-то парнем. Он предлагает пойти к служебному входу. Заворачиваем за угол театра.

Через несколько минут подъезжает легковушка, и из неё выходят двое мужчин. Парень с придыханием: «Любимов!» Терять мне нечего, и я смело выступаю вперёд:

– Вы – Юрий Петрович Любимов?

– Да, – отвечает симпатичный мужчина.

Я говорю, что работаю в сельской школе, за 400 километров от Москвы, и коротко излагаю суть нашей просьбы. Говорю и об ответе администратора. И ещё добавляю, что не хотела бы везти своих учеников абы куда, – хотела бы в лучший театр Союза.

Внимательно выслушав меня, Любимов говорит своему спутнику:

– Николай Лукьянович, проведите её на спектакль, а завтра распорядитесь выдать 10 билетов.

Не веря своему счастью, я благодарю и судорожно вцепляюсь в рукав Николая Лукьяновича – Н.Л.Дупака, директора театра. Оглянувшись, не вижу своего спутника – он тихо слинял, обалдев, наверное, от моей наглости.

И вот, раздевшись в служебном гардеробе, вхожу в

зал. Спектакль я смотрю стоя. И вовсе не из почтения к Великой Октябрьской Социалистической революции, а потому, что на Таганке всегда аншлаг.

На другой день получаю заветные билеты и с лёгким сердцем лечу в деревню.

А вот и спасибо

После каникул Галка Краснова прибегает ко мне в кабинет, хватая за руку и жарко шепчет в ухо:

– Ой, Валентина Дмитриевна, так хотелось, чтоб каникулы поскорей кончились.

– Да что ты, Галь!

– Ну в школе же интересней, чем дома! А что мы будем делать?

– Много чего делать будем, вот соберёмся – и обсудим.

Я дежурю на втором этаже. Галка ходит рядом, держа меня под руку. Оказывается, это не нравится некоторым коллегам. Татьяна рассказывает, что стала невольным свидетелем разговора завуча Надежды Матвеевны с директором (кабинет истории рядом с лаборантской химического, их разделяет дверь, через которую всё слышно). Завучиха возмущалась: «И чего это за Зиминой ребята табунами бегают?»

Эх, Наденька, где уж тебе понять: ты уроки провела – и домой к мамке на обед с самогонкой. И вечером ты мечтаешь о том, как бы захомутать какого-нибудь мужика (тут я тебя понимаю!), но ты меня никогда не поймёшь – потому, что я стараюсь дать тепло чужим детям, чтобы им хотелось бежать в школу, а не из неё. Коллега!!!

Валя, не наглей!

Спектакль, на который я купила билеты, называется

«Под кожей статуи Свободы». Начинается он в 12.00. Так что ехать нам нужно накануне. А где же ночевать? Крёстная в санатории. И я, набравшись наглости, звоню родителям невесты младшего брата. Они соглашаются помочь. Мы являемся в субботу всем шалманом к моим будущим родственникам. Дети устраиваются рядком на полу на матрасах и одеялах. На следующий день после завтрака едем на Таганку.

Дети рассматривают театр, овеванный легендарным именем Высоцкого, с большим интересом. У нас первый ряд балкона. Высоцкий в спектакле не занят, но играют известные актёры: Валерий Золотухин, Леонид Филатов, Иван Бортник и другие. После спектакля мы «на перекладных» – электричкой и двумя автобусами – возвращаемся домой. Наша поездка станет одной из тем радиопередачи.

Радиокомитет

Ведь наша школа радиофицирована! И мы решаем делать свои школьные радиопередачи. Сначала тексты пишу я сама. И снова с благодарностью вспоминаю своих учителей, Афоню, у которого была в радиокомитете нашей школы.

Ребята-старшеклассники хорошо разбираются в технике, они налаживают процесс записи и трансляции по школе. Всё у нас, как на настоящем радио: музыкальные заставки, дикторы, исполнители, разные рубрики: прогноз погоды, «По страницам ваших сочинений», сказки, былины, частушки, репортажи с уроков. Но всё на материале жизни нашей школы. Первая радиопередача состоялась 15 марта 1974 года.

Эти радиопередачи слушает вся школа. Двоечники и дебоширы, герои многих сюжетов, передач боятся.

Постепенно ребята начинают демонстрировать и своё собственное творчество: пишут частушки, «сводки погоды» и даже былины.

Эхо войны

Утром в школе вижу, как ребята из младших классов носятся с какой-то ржавой круглой банкой, похожей на те, в которых продавали солёную селёдку, но большего размера. Хорошо, что пришёл директор!

Он отобрал «банку» и вызвал сапёров из района. Эта «банка» оказалась ржавой миной периода Великой Отечественной войны.

Во время второго урока где-то вдали ухнуло, и в школе задрожали стёкла. Это сапёры взорвали в лесу нашу «банку». С ужасом думаю, что было бы, если б она рванула в школе...

Такие «подарки» из 1941-го, когда здесь шли бои, периодически находят то в лесу, то в пруду.

«Женитьба Фигаро»

Мы с коллегами едем в Большой. Воскресенье, дневной спектакль. Партию Фигаро поёт известный тенор Антон Григорьев. В Большом я тоже первый раз. За билетами в кассах на Манежной стояла целый день.

Смотрю на наших учителей: они приоделись и чувствуют себя в роскошном театре вполне комфортно. У нас места в первом ряду после широкого прохода. Бархат, лепнина, позолота. Да, это не наш совхозный клуб!..

Начинается спектакль. Через несколько минут биологичка толкает своего засыпающего мужа, колхозного водителя... Нет, я не осуждаю своих коллег и их мужей – они много и тяжело работают, у всех у них ещё и собственное хозяйство. Конечно же, они устают. Иногда может быть и не до высокого искусства.

После спектакля возвращаемся в свои неказистые пенаты и ещё долго вспоминаем о поездке в Большой.

Смотр художественной самодеятельности

Едем в район на смотр художественной самодеятельности. Номера готовит учительница пения. Прихожу на генеральную репетицию и понимаю, что с таким разнокалиберным набором выглядеть мы будем довольно бледно.

Уже в районном ДК пишу на коленке короткие тексты-заставки между номерами, выстраивая их (номера) хоть в каком-то порядке. Рядом со мной сидит Ирочка. Её отец, ветврач, появился в совхозе недавно. Она почти городская девочка, не теряющаяся ни в какой ситуации. И умненькая.

Говорю:

– Сможешь побыть конферансье? Тексты короткие, но выучить нужно быстро.

Ира кивает. И блестяще справляется с заданием, чётко и красиво представляя со сцены нашу программу. Мы занимаем второе место, – первое не присуждают никому.

К сожалению, вскоре после этого Ира вместе с отцом и семьёй вынуждена уехать из Петровского: оказалось, отец самовольно бросил место предыдущей работы, а его отыскали. Член партии – не имеешь права распоряжаться собой, как тебе захочется. Вот те и раз!

А говорят, крепостное право отменили в 1861 году!

О творчестве

Лирическое отступление № 3

Всё, что вызывает переход из небытия в бытие – творчество.

Платон

Все говорят, что ныне

Страшно жить.

Н.Огарёв

Это написано более 100 лет назад. Страшно жить? А почему? Потому что знаешь, что умрёшь. Но и все – тоже.

Страшно умереть, не оставив после себя ничего? А может, это и к лучшему?

Прожил – «не наследил» – исчез.

Благодарная природа будет оплакивать тебя летними и осенними дождями очень-очень долго, если не вечно. Хотя ничего вечного нет, всё когда-нибудь кончается. Не кончается только творчество. Оно дано каждому, но не каждый спешит воспользоваться возможностью творить.

Может быть, потому, что хочется чего-нибудь натворить, но боязно. Творчество – это всегда ответственность. Но и радость. Наверное, такая, какую чувствовал Творец, создавая Вселенную. Ну, может быть, чуть поменьше. Всё-таки размеры не те. Говорят, каждый человек – вселенная. И это верно. А раз так – то он всё время что-нибудь варганит, ведь не существует неподвижной вселенной.

Слово-то какое смачное – «варганить». От санскритского «сварог» – «ходящий по небу». Именно Сварог, по преданию, создал Землю.

А вообще какие в нашем языке вкусные слова: «радость» – и чувствуешь тепло в груди, «гадость» – всё наоборот, холодок пробирает. А разница всего в одной букве! Преклоняюсь перед нашим языком и люблю его.

Советская власть научила всех читать и писать. И теперь у нас сотни тысяч «писателей» – по большей части бездарных графоманов. Сначала возмущалась, а теперь думаю: ну это же лучше, чем пить и бездельничать.

Многие из пишущих мечтают о том, что их творчество переживёт их самих. Как сказал один поэт:

После одних остаётся наследство,

После других – наследие.

Впрочем, удел вторых – удел немногих.

День Победы.

Святой праздник – День Победы. После скромного митинга и возложения цветов на братскую могилу все идут по домам, по своим делам.

Татьяна месяц назад уехала домой – декрет. И мы с Юлией Петровной остаемся вдвоём в нашей квартире. Собираемся пить чай, когда к нам стучат. Открываю – на пороге несколько старшеклассников. Впускаю. Они проходят в мою комнату. Выйдя на кухню и вернувшись, вижу на столе бутылку водки. Ни хрена себе!

Возвращаюсь на кухню и объясняю Юльке ситуацию. Она испуганно машет руками:

– Пусть идут, куда хотят!

– Юль, – говорю я, – отнять бутылку нам не удастся – они сильнее, они всё равно её выпьют в лопухах за магазином и без закуски, а потом ещё подерутся по пьяни. Пусть уж пьют под присмотром.

Юлька машет: «Да делай что хочешь». Собираем всю посуду, разогреваем наше дежурное блюдо – гречневую кашу из банки, смешанную с кислой капустой, режем хлеб. Накрываем наш более чем скромный стол. Я разливаю водку по посудинкам. Ребята испытующе смотрят на меня.

Семь бед – один ответ! Поднимаю чашку с водкой и, честно глядя в глаза учеников, говорю:

– За нашу Родину и за нашу Победу!

Мы дружно чокаемся разнокалиберной тарой и выпиваем. Сковородка пустеет очень быстро. Пьем чай с карамельками, а потом смотрим немой фильм о нашей поездке в Харьков и Полтаву, который я снимала на узкоплёночную любительскую кинокамеру.

...Ребята, довольные, уходят. А я с тоской думаю о том, как бы оценили мой непедагогический, но патриотический поступок Песталоцци, Каменский и Макаренко. Впрочем, мне всё равно, что бы они сказали.

Красота спасёт мир *Лирическое отступление № 4*

Это утверждение Ф.М.Достоевского стало отправной точкой для дискуссий, длящихся не один десяток лет. Не то спасёт, не то нет, – а, может, красоту самую спасти надо...

Вот один поэт утверждает:

Как волшебное снадобье
Мир спасёт красота.

А другой уточняет– какая:

О, сколько раз из красоты,
Обожествив её черты,
Мир создавал себе кумира!
Но есть иная красота.
Обезображенный, с креста,
Глядит на мир Спаситель мира.

Конечно, глупо отрицать положительное влияние красоты на людей. Но, наверно, не всякой – бездуховная красота бесполезна и даже вредна: она не делает душу лучше, добрее, совестливее.

А красота природы, искусства – как же без них?! Невозможно! Красота учит удивляться тому миру, что окружает нас. И в этом её великая роль. А ещё она учит задумываться.

Но пока мы не поймём, что самая великая красота в мире – это жизнь, ничто наш мир не спасёт. И никто. Как поётся в одной известной песне: «ни царь, ни Бог и ни герой». Так что призадумаемся...

Расставание

*О милый гость, святое Прежде,
Зачем в мою теснишься грудь?*

В. Жуковский

Три года прошли, как одно мгновение. Работа по рас-

пределению закончена. Я уезжаю домой: этого требуют семейные обстоятельства, да и здоровьишко моё пошатнулось.

С болью в сердце прощаюсь со школой – и со своей молодостью, той самой молодостью моего поколения, которую позже какой-то умник назовёт периодом застоя.

Оглавление

Глава 1. Август 1971 года	3
<i>Лирическое отступление № 1</i>	12
Глава 2. Год второй	23
Глава 3. Год третий	37
<i>Лирическое отступление № 2</i>	49
<i>Лирическое отступление № 3</i>	58
<i>Лирическое отступление № 4</i>	61

Подписано в печать

Заказ №88

Тираж договорной

Отпечатано в типографии «Альтернатива»

Тульская обл., г.Новомосковск,

ул. Коммунистическая, 23